

Эстетика поэзии. Красота

Игорь Золотарев, литературовед, член Союза российских писателей

Что такое поэзия? Французский поэт Поль Валерий считает поэзию особым видом искусства, который базируется на языке. Русский поэт Иннокентий Анненский видит в поэзии, прежде всего, красоту. Поэзия, подобно гипнозу, способна завораживать читателя своей красотой. Это эстетическая сторона поэзии. Одако не менее ценна и ее этическая, нравственная сторона.

Поэзия – это импульсы сопереживаний, обоюдная фантазия творца и читателя, красота человеческой мысли, ее взлет, свободное парение и торжество над фактом. А в переводах это та же арена, где, как львы, встречаются автор с переводчиком, когда переводчик порой не только помощник, но и возможный соперник. Профессиональные переводчики – мастера; однако они не участвуют доподлинно в процессе сотворчества, не создают собственный внутренний мир, используя мир переводимых ими поэтов.

Искусство поэтического перевода – это в большей степени искусство нести потери, допуская преобразования, когда автор выбирает для себя максимальные варианты. Самое главное для переводчика стихов – твердо знать в каждом конкретном случае, какие именно потери допустимы и в каком именно направлении можно преобразовывать текст. Кстати сказать, эта способность переводческого искусства и ведет к тому, что переводчик, как правило, по словам Е.Г. Эткинда, не может быть абсолютным универсалом, то есть компетентным в различных областях. Переводчик практически не может одинаково хорошо ориентироваться во всех сферах жизни, литературы, искусства и всегда одинаково хорошо знать, на какие идти изменения.

Все удаления от оригинала, однако, позволяют приблизиться к нему, сохраняя существенное ценное опуская маловажное, а обязательное и закономерное – ценной исключения случайного. Переводчик может позволить себе такие, казалось бы, «вольности» лишь в том случае, когда он глубоко проник в материал переводимого произведения, если он знает язык, жизнь того народа, которому принадлежит переводимая им поэзия, знает ее так же, как язык, быт и культуру своей страны. Таким образом, перевод становится фактом своего языка, своей культуры. Переводчик должен стремиться к универсализму, то есть быть не только художником слова, но и ученым-историком, искусствоведом, критиком, этнографом, филологом-лингвистом. Для переводчика недостаточно интуиции, порыва, творческого вдохновения. Поэту-переводчику приходится сочетать самое чистое и высокое вдохновение художника с самым точным, скрупулезным, педантичным трудом исследователя. Только такое соединение искусства и науки, «гармонии» и «алгебры» сулит переводчику подлинный успех.

С дополнительными трудностями сталкивается переводчик при переводе романтической и особенно символистской поэзии, где мысль выражена в прямых словах, а сущность произведения вытекает из его эмоциональной настроенности, воплощенной в

пластическом образе. В то же время переводчику следует избегать вшейней точности. Попытки же достичь максимальной близости, абсолютной точности оригиналу обречены на неудачу. Только поэты-классицисты считали, что можно добиться абсолютно-го, буквального перевода. Некоторые из них стремились наложить на перевод отпечаток времени, места и действия. Вот, например, Валерий Брюсов, который руководствовался принципом буквального перевода. Возьмем сонет Шарля Бодлера.

Красота
О смертный! Как мечта из камня,
я прекрасна!
И грудь моя, что всех погубит
чередой,
Сердца художников помит любовью
властно,
Подобно веществу, предвечной
и немой.

В лазури царствую я сфинксом
непостижимым;
Как лебедь, я бела и холодна,
как снег;
Презрев движенье, люблюсь
неподвижным,
Вовек я не смеюсь, не плачу я вовек.

Я – строгий образец для гордых
изваяний,
И, с тщетной жаждою насытит
глаз мечтаний,
Поэты предо мной склоняются
во прах.

Но их ко мне влечет, покорных
и влюбленных,
Сиянье вечности в моих глазах
бессонных,
Где все прекраснее, как в чистых
зеркалах.

В переводе Валерия Брюсова красота – это «строгий образец «для гордых изваяний», «с тщетной жаждой насытит мечтания» поэты склоняются во прах» перед Красотой. Эти образы берутся из самого оригинала. Для Брюсова характерны точность, тяготение к буквальности («строгий образец», «глаза, как зеркала»). В этом стихотворении переводчик в какой-то мере придерживается принципа буквального перевода.

Поэты-символисты переняли от романтиков индивидуальное начало в творчестве. Однако у них проявились свои штампы: несколько вычурная и абстрактная лексика, музыкальность стиха с его иррациональностью, метафоры и символы, означающие двоимире, эмпирический план и инобытие, которое не поддается рациональному познанию, а только угадывается в откровениях, с помощью предчувствий, интуитивно.

Вот тот же сонет в переводе Константина Бальмонта.

Красота
Стройна я, смертные, как греза
изваянь,
И грудь, что каждого убила в час его,
Поэту знать дает любовь –
и с ней терзанье,
Безгласно-вечно, как вечно
вещество.

В лазури я царю, как сфинкс
непостижимый,
Как лебедь бледная, как снег
я холодна;
Недвижна Красота, черты здесь
нерушимы;
Не плачу, не смеюсь – мне смена
не нужна.

Поэты пред моим победно-гордым
лицом
Все дни свои сожгут в алканши
великом,
Дух изумоющий пребудет век
смущен;

Есть у меня для них, послушных,
обаянье,
Два чистых зеркала, где мир
преображен:
Глаза, мои глаза – бездонное сиянье.

У Константина Бальмонта бодлеровская «Красота» «холодна, как снег», «недвижна», ее «черты нерушимы», она «не плачет, не смеется». Текст перевода более образен, идентичен («Красота – это греза изваяния», которая «дает поэту знать любовь»). Это описание образа передано адекватно, то есть художественно оправданно. Слово «смена» менее поэтично, слово «дух», «алканши» – высокий стиль. Переводчик вводит словосочетание «победно-гордый», усиливая метафоричность.

Современный перевод является научным у художественным адекватным переводом. Поскольку учитывают и личность переводчика, и знание

законов языка, национальные черты, направление автора, сами особенности художественного произведения. Перевод – сложная, кропотливая работа в поисках эквивалентов на языке переводчика, способных с высокой художественностью передать смысл высказывания на языке оригинала.

В стихотворении Шарля Бодлера «Красота» подразумевается свободное творчество, абсолютная власть Красоты. Поэт создает свою эстетику, не зависящую ни от кого. За этим стоят и традиции, и в то же время новаторство. Это стихотворение Бодлера программное, оно показывает пути развития высокого искусства.

Вот тот же бодлеровский сонет в переводе Леонарда Золотарева.

Красота
Прекрасна я, как в камне стияем эхо,
И кто-то пал, ударясь мне о грудь.
А в кам любовь, тот создан
для успеха,
Он – мой поэт, он – вечность,
Млечный Путь.

Парю в лазури – лебедь молодая.
Белее снега, холоднее льда,
Я – Красота, недвижна и горда я,
Слеза и смех – я выше их всегда.

Они сожгут себя, мои поэты,
В трудах души, во цвете своих дней,
Чтоб только я питала их сонеты.

Во имя благосклонности моей.
В два зеркала возьми и оледясь:
Прекрасен мир, покуда
длится жизнь.

У Леонарда Золотарева поэт способен любить, поклоняется Красоте, он творит ее на века. Ибо сам он вечность, Млечный Путь. Этот перевод эстетичен, адекватен, то есть художественно оправдан.

В переводе Леонарда Золотарева от первой до финальной строки Красота прекрасна, как в «камне спляшем эхо». Она обещает любовь, успех, «парит» в лазури, как «молодая лебедь», которая «белее снега, холоднее льда», выше «слезы и смеха» – комедия и даже трагедия. Поэты сожгут себя «во цвете своих дней», чтобы Красота питала их сонеты, во имя ее «благосклонности». В глазах Красоты, в двух ее зеркалах мир прекрасен, пока «длится жизнь». Перевод лексически емко, глубок, найдены необходимые эквиваленты. Нет стилистических неточностей, лишних слов, перевод метафоричен, естественен.

На примере одного стихотворения переводчики совершенствуют сам перевод, характеризуют с разных сторон творчество переводимого ими автора. Этим самым они вносят свой вклад в развитие не только литературы, но и культуры, делая перевод фактом своего языка, своей собственной культуры и тем самым способствуя улучшению взаимоотношений европейских народов через перевод, через свою любовь к поэзии, высокому художественному слову. Все три перевода передают бодлеровское ощущение, восприятие и отношение к красоте.